

И.М. КУЗНЕЦОВ

ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЯ ПРОФИЛЯ РОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В 2021–2023 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ))

КУЗНЕЦОВ Игорь Михайлович – кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия (ingvar31@yandex.ru).

Аннотация. В статье представлены первые результаты применения многомерного подхода к исследованию динамики изменения различных аспектов российской гражданской идентичности, отражающих как внутренние конфликтные зоны, так и точки согласованности, формирующиеся на разных этапах консолидации российского сообщества в условиях внешнего военного, политического и экономического давления. В исследовании использовалась методика, сконструированная на основе пятикомпонентной модели измерения ингрупповой идентификации К. Лича и его коллег. Эмпирической базой исследования послужили данные опроса жителей Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг. По результатам проведенного анализа автор делает следующие выводы. Первый год начала СВО можно обозначить как период общественно-политической турбулентности, переосмысления как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности. Наиболее драматичными для всех поколений россиян были дискуссии и конфликты, связанные с сюжетами, касающимися сопричастности, преданности, как минимум – лояльности сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути. В 2023 г. доминантой стал процесс консолидации российского сообщества, о чем свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками по тем параметрам идентичности, которые отражают индивидуальные усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу россиян как целостности.

Ключевые слова: профиль общероссийской идентичности • параметры идентичности • сплоченность • удовлетворенность принадлежностью к россиянам • межпоколенная консолидация в период СВО

DOI: 10.31857/S0132162524090066

Постановка проблемы. В период проведения Специальной военной операции на Донбассе (СВО) становится особенно актуальной диагностика динамики общественных настроений. В этот период с большой вероятностью может происходить как поляризация, так и консолидация общества по общественно-политическим позициям, особенно в вопросах гражданской идентичности. Одним из ключевых моментов такой диагностики является отслеживание динамики изменения российской гражданственно-государственной идентичности жителей страны.

В отечественной «классике» и, в частности, в этносоциологической школе Л.М. Дробижевой, для измерения уровня российской идентичности используется вопрос, предложенный В.А. Ядовым и его коллегами в 1990-е гг. Этот вопрос был направлен на измерение общего уровня осознания принадлежности к сообществу россиян, ощущения общности, близости с гражданами России по шкале «часто», «иногда», «практически никогда» [Рыжова, 2023: 45]. Однако оценка состояния российской идентичности как основного ресурса консолидации/поляризации требует более детального исследования ее структуры с применением многомерных методов, позволяющих фиксировать меру распространенности и судить о достаточной (или слабой) сформированности отдельных компонентов этой идентичности, таких как мера

и основания солидарности разных слоев населения с многонациональным народом России, степень психологической связи граждан со страной, мера приверженности общим ценностям, идеалам и целям, место российской идентичности в структуре индивидуального и социально-го самосознания личности.

В настоящей статье представлены первые результаты применения многомерного подхода в исследовании динамики различных аспектов российской гражданской идентичности, отражающих как внутренние конфликтные зоны общественного сознания, так и точки согласованности, формирующиеся на разных этапах консолидации российского сообщества в условиях внешнего военного, политического и экономического давления.

Методология и эмпирическая база исследования. В качестве основы реализации многомерного подхода к измерению российской идентичности была избрана методика, сконструированная К. Личем и его коллегами [Leach et al., 2008]. Эта методика имеет ряд положительных черт. Во-первых, она была создана на основе глубокого анализа работ, посвященных исследованию различных аспектов социальной идентичности. Во-вторых, она ориентирована на исследование социальных идентичностей разного таксономического уровня (государственно-гражданских, этнических, социально-политических и др.). Наконец, она была адаптирована и проверена на надежность и валидность на российских выборах [Агадуллина, Ловаков, 2013; Хухлаев и др., 2019].

Методика предназначена для количественного измерения пяти компонентов, характеризующих когнитивные, аффективные и поведенческие аспекты социальной идентичности.

Первый компонент – уровень удовлетворенности (satisfaction) принадлежностью к сообществу, отражающий меру позитивных эмоций по отношению к сообществу в целом и к факту своей принадлежности к этому сообществу. По мнению авторов данной методики, эмоциональная оценка принадлежности к сообществу представляет собой «наиболее распространенный способ идентификации с группой и этот компонент может быть наиболее тесно связан с другими компонентами идентификации» [Leach et al., 2008: 147].

Второй компонент – мера сплоченности (solidarity), т.е. психологической связи с другими членами сообщества, что должно определять степень приверженности определенным общим ценностям и целям этого сообщества, готовность к скоординированной деятельности. Основанием для выделения этой составляющей социальной идентичности в особую категорию послужило известное высказывание основателя теории социальной идентичности Г. Тэджфела о том, что социальная идентичность представляет собой «ту часть самооценки индивида, которая вытекает из его знаний о своей принадлежности к социальной группе (группам) и из ценности и эмоционального смысла, которые сопровождают это членство» [Tajfel, 1981: 255]. Ряд исследователей считают необходимым выделить из всего комплекса эмоциональных-когнитивных смыслов оценку психологической приверженности (commitment) группе [Ellemers et al., 1999]. Важность учета этого компонента подчеркивается в теориях коллективной идентичности [Ashmore et al., 2004].

Третий компонент – степень рельефности (centrality) дает возможность оценить место принадлежности к данной общности в структуре Я-концепции индивида. Учет сформированности этого компонента гражданской идентичности особенно важен в контексте как внешних, так и внутренних угроз сообществу, поскольку отражает уровень остроты восприятия таких угроз и готовность к защите сообщества [Crocker, Luhtanen, 1990].

Четвертый компонент – самостереотипизация (individual self-stereotyping), т.е. мера убежденности в том, что индивид, причисляющий себя к сообществу, чем-то похож на других членов данного сообщества. Выделение этого компонента основано на том, что процесс самокатегоризации предполагает не просто механическое причисление индивида к сообществу, а восприятие себя в терминах сообщества, что сопровождается некоторой «деперсонализацией» индивида [David, Bar-Tal, 2009]. Это является первым шагом на пути формирования собственно социальной идентичности (в отличие от идентичности личностной).

Пятый компонент – гомогенность (in-group homogeneity), т.е. мера убежденности в том, что члены данного сообщества представляют собой относительно однородную группу,

Таблица 1

Многомерная методика измерения идентичности

Суждения	Компоненты
«Я чувствую свою связь с россиянами» «Я во всем солидарен с россиянами»	Сплоченность
«Я думаю, что россиянам есть чем гордиться» «Мне приятно осознавать себя частью российского сообщества»	Удовлетворенность
«Принадлежность к россиянам – важная часть моего представления о себе» «Принадлежность к россиянам накладывает отпечаток на мою личность»	Рельефность
«У меня много общего со среднестатистическим россиянином» «По характеру я похож на среднестатистического россиянина»	Самостереотипизация
«У россиян много общего между собой» «Все россияне по характеру очень похожи друг на друга»	Гомогенность

отличающуюся от других таких же групп по бытовой культуре, ценностям, образу жизни и т.п. По сути, этот компонент отражает меру сформированности в общественном мнении представления о сообществе, как о некоей субъектной целостности (entitativity) [Lickel et al., 2000].

В нашем варианте методика представляет собой блок из 10 суждений, фиксирующих меру сформированности указанных пяти компонентов идентичности (табл. 1).

Респонденты оценивали свое согласие с каждым суждением по четырехбалльной шкале – от категорического несогласия (1 балл) до полного согласия (4 балла). Набор средних значений по пяти компонентам образует *профиль* российской идентичности. Рассмотрение динамики изменения компонентов в настоящей статье велось преимущественно в рамках однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA). В некоторых случаях мы использовали для анализа тех же компонентов категориальные переменные, фиксирующие «низкий» (до 2 баллов), «средний» (от 2,2 до 3 баллов) и «высокий» (свыше 3,2 баллов) уровень сформированности того или иного компонента.

Эмпирическую базу исследования составили данные опросов населения Республики Саха (Якутия), проведенных в 2021–2023 гг. в рамках совместного проекта Института социологии ФНИСЦ РАН и Государственного автономного учреждения Республики Саха (Якутия) «Центр стратегических исследований при Главе Республики Саха (Якутия)». Именно в этом совместном проекте впервые появилась возможность включить рассмотренный выше блок вопросов в анкету массового социологического опроса, что и предопределило выбор республики в качестве пилотного региона многомерного исследования российской идентичности. Выборка опросов в пределах 1400–1500 респондентов репрезентирует население республики по полу, возрасту и национальной принадлежности.

Ограничения. Хотя данные о состоянии и динамике изменения российской идентичности, полученные в ходе опросов в Республике Саха (Якутия), отражают этнокультурную, социально-экономическую, географическую специфику республиканской выборки, нами не ставилась задача характеризовать особенности регионального профиля российской идентичности, что предполагает наличие как минимум базы аналогичных данных по другим регионам России. На примере республиканской выборки мы стремились выявить и охарактеризовать тенденции изменения профиля российской гражданской идентичности, связанные с переживанием разных этапов общей для всех российских регионов ситуации проведения СВО.

Динамика изменения профиля российской идентичности в контексте СВО. По методике «классического» одномерного измерения общего уровня российской идентичности в Республике Саха (Якутия) в 2022 г. было отмечено значимое снижение этого уровня по сравнению с 2021 г. на 5 п.п. (с 71 до 66%), а в 2023 г. – резкий рост до 76%. Поскольку многомерный инструментарий был использован в республиканских опросах 2021–2023 гг., т.е. до и после начала СВО, мы имеем возможность проследить динамику изменения профиля российской

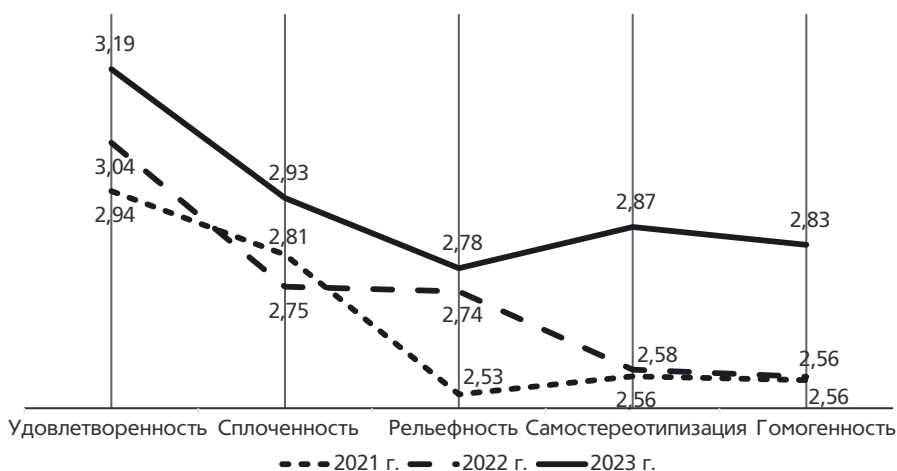

Рис. 1. Профили российской идентичности жителей Республики Саха Якутия в 2021–2023 гг. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

Примечание. Здесь и далее максимальный доверительный интервал составляет $\pm 0,04$ балла.

идентичности в ситуации, связанной с обострением геополитического противостояния (см. рис. 1).

В 2022 г. произошло небольшое снижение показателей *сплоченности*, т.е. меры осознания респондентами своей психологической связи с россиянами. При этом существенно повысились показатели значимости факта принадлежности к россиянам в личностном самосознании (*рельефность*), что, в частности, свидетельствует, как отмечено выше, о повышении меры готовности к защите сообщества от внешних угроз. Наконец, практически неизменными (по сравнению с 2021 г.) остались низкие показатели *самостереотипизации* и *гомогенности*, отражающие достаточно слабую сформированность образа «мы – россияне» как коллектива и в 2021, и в 2022 г. На наш взгляд, все это говорит о противоречивости процессов переосмысления как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности в 2022 г. С одной стороны, наблюдается ослабление чувства солидарности со всеми россиянами, предполагающее поляризацию самооценок приверженности ценностям российского сообщества, сопричастности историческим судьбам этого сообщества, пересмотр обязательств по отношению к этому сообществу [Hollinger, 2006]. С другой стороны, в том же 2022 г. фиксируется существенный рост значимости идентификации с россиянами в структуре личностного самосознания, что, напротив, предполагает рост всех вышеперечисленных чувств. Таким образом, первый год СВО можно охарактеризовать на республиканском уровне как период социально-политической турбулентности.

Для 2023 г. характерен значимый (по критериям T2 Тамхейна или Шеффе) рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Следует отметить рост (после некоторого снижения в 2022 г.) показателей *сплоченности*. В итоге можно предположить, что, в отличие от ситуации 2022 г., в 2023 г. доминантой стал процесс консолидации многонационального республиканского сообщества по всем параметрам, характеризующим меру идентификации с россиянами.

Более детальное представление об описанных процессах дает анализ динамики изменения пропорций респондентов в категориальных переменных по каждому компоненту идентичности (табл. 2).

Данные, представленные в табл. 2, позволяют сделать вывод о том, что в 2022 г. общий показатель эмоциональной удовлетворенности фактом принадлежности к россиянам рос только за счет увеличения группы со *средней* степенью удовлетворенности при

Таблица 2

Мера сформированности компонентов российской идентичности в 2021–2023 гг.
(% опрошенных)

Мера сформированности	Период		
	2021 г.	2022 г.	2023 г.
<i>Удовлетворенность</i>			
Высокая	46	46	55
Средняя	34	37	31
Низкая	20	17	14
<i>Сплоченность</i>			
Высокая	35	29	41
Средняя	41	46	38
Низкая	24	25	21
<i>Рельефность</i>			
Высокая	27	28	37
Средняя	39	46	37
Низкая	34	26	26
<i>Самостереотипизация</i>			
Высокая	26	28	37
Средняя	42	37	41
Низкая	32	35	22
<i>Гомогенность</i>			
Высокая	24	24	35
Средняя	44	43	42
Низкая	32	33	23

Примечание. Шрифтом выделены значения, которые существенно отличаются по столбцам на уровне $\leq 0,05$.

Источник: По данным опроса населения Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг.

одновременном сокращении группы с низкими показателями. Для 2023 г. характерен значимый рост группы с *высокими* показателями удовлетворенности при продолжающемся сокращении доли респондентов с низкими показателями.

Процесс переосмысления своей психологической связи, внутренней солидарности с обществом россиян в 2022 г. сопровождался статистически значимым *сокращением* группы респондентов с *высоким* уровнем сформированности чувства солидарности с россиянами при одновременном увеличении группы со средними показателями. В 2023 г., напротив, произошло существенное увеличение группы респондентов с *высокими* показателями при незначительном сокращении групп со средними и низкими показателями.

Примерно такой же алгоритм характерен для динамики изменения показателя рельефности. В 2022 г. этот показатель значимо вырос. Однако рост происходил только за счет увеличения пропорции группы со *средним* уровнем сформированности на фоне сокращения группы респондентов с низкими показателями. Иначе говоря, в контексте СВО в республиканском сообществе начался процесс переоценки значимости факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания, причем преимущественно среди россиян, которые не придавали особой роли российской идентичности в своем личностном самоопределении. В 2023 г. значимо выросла пропорция респондентов с *высокими* показателями центрированности российской идентичности и сокращении группы с низкими показателями по этому параметру до уровня 2021 г.

Наконец, в 2022 г. не наблюдается сколько-нибудь существенных изменений по параметрам самостереотипизации и гомогенности, характеризующим сформированность образа «мы-россияне» как органической целостности. Но уже в начале 2023 г. в республиканском сообществе наблюдается значимое увеличение групп с высокими показателями самооценки сходства респондента с россиянами в целом и сформированности представлений о российском сообществе как субъектной гомогенной целостности. Это означает, что в республиканском общественном мнении российское сообщество по сравнению с 2021 г. воспринимается уже не как статистическая совокупность граждан, а скорее как некое единство, целостный коллектив.

Важная особенность изменений параметров идентичности в 2023 г. (в отличие от предыдущего года) состоит в значительном росте пропорций групп с высокими и сокращении групп с низкими показателями. Это дополнительно подтверждает сделанный на основе анализа средних баллов вывод о том, что в 2023 г. активизировался процесс консолидации российского сообщества. Необходимо также отметить, что в 2023 г. наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками по параметрам идентичности, которые отражают *индивидуальные* усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу как к «органической» (в терминах Э. Дюркгейма [Дюркгейм, 1996]), целостности. По этим компонентам группы с высокими показателями сформированности составили статистическое большинство. А по параметрам, скорее отражающим сформированность генерализованного образа россиянина и образа российского сообщества как единого целого в информационной среде (включая образы, транслируемые через социальные сети, СМИ, тексты художественной литературы, театральные постановки, кинематограф и т.п.), прирост групп с высоким уровнем показателей был скромнее. Можно предположить, что особенностью процесса общественной консолидации 2023 г. является активный пересмотр жителями республики своего *личного* отношения как к стране в целом, так и российскому сообществу на фоне разнонаправленных трактовок этих сюжетов в информационной среде и дефицита текстов (в широком смысле этого слова), посвященных детализации образа «мы-россияне» как субъектной целостности.

Особенности процесса межпоколенной консолидации в контексте СВО. По мнению ряда исследователей, «СВО сначала стихийно, но чем далее, тем более осознанно, “зацепила”, консолидировала и богатых, и бедных, столицы и провинцию, молодых и старых...» [Никовская, 2022: 45]. Эмпирические данные нашего исследования дают возможность на примере республиканской выборки более детально рассмотреть этапы и особенности консолидации представителей разных поколений россиян. За начало процесса мы берем характеристики межпоколенной консолидации в 2021 г. (рис. 2)

Однофакторный дисперсионный анализ возрастных различий/сходств по каждому компоненту показал статистически значимую солидарность представителей всех возрастов относительно сходства каждого из респондентов с типичным россиянином (параметр самостереотипизации) и представлений о мере однородности российского сообщества как целостности. Причем представители всех поколений были в 2021 г. едины в средних или низких оценках готовности признать свое сходство с россиянами вообще и в признании относительной однородности российского сообщества в целом. На наш взгляд, эта своеобразная консолидация мнений, свидетельствующая о слабой сформированности образа «мы-россияне», позволяет говорить о том, что этот образ является относительной новацией для всех поколений жителей республики.

По параметру удовлетворенности принадлежностью к россиянам в 2021 г. отмечалось отчетливое сходство средних оценок представителей самой молодой (18–30 лет) и средней (31–50 лет) возрастных когорт и в то же время сходство оценок респондентов среднего и старшего (51 и старше) возраста. Таким образом, мы можем говорить о некоей «ступенчатой» межпоколенной консолидации оценок удовлетворенности принадлежностью к россиянам. Самые высокие оценки характерны для старшей возрастной группы. К ней близки в своих оценках представители среднего возраста, а с последними, в свою очередь, солидарны представители

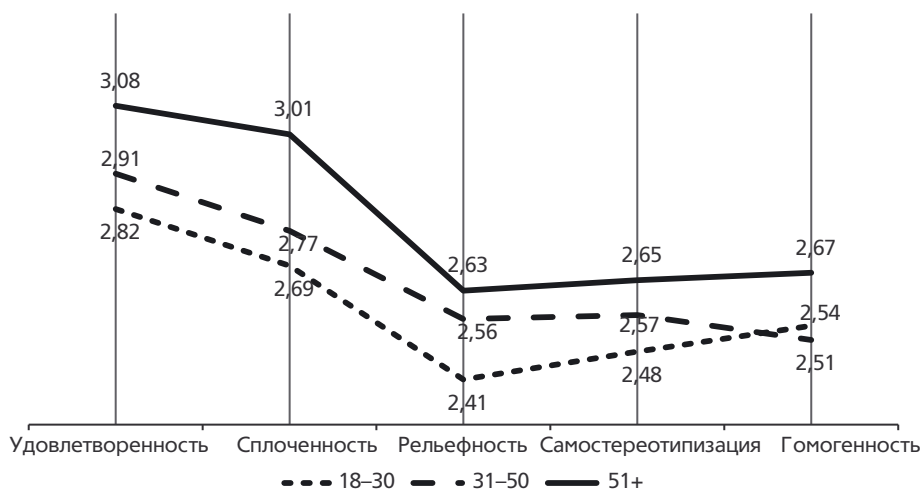

Рис. 2. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2021 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

молодежи, существенно отличающиеся своими низкими оценками удовлетворенности только от самой старшей возрастной группы.

Такой же «ступенчатый» характер носит межпоколенная консолидация оценок рельефности, т.е. значимости российской идентичности в структуре личностного самосознания. Самооценки молодежи близки к оценкам представителей среднего возраста, а их оценки статистически значимо не отличаются от оценок личностной значимости российской идентичности, сделанных респондентами самого старшего возраста.

По показателю сплоченности, т.е. мере ощущения своей психологической связи с россиянами в 2021 г., консолидированными оказались только самооценки молодежи и представителей средней возрастной группы, от которых значимо более высокими оценками отличались респонденты самого старшего возраста.

Данные 2022 г. по возрастным профилям российской идентичности в целом свидетельствуют о том, что процесс переосмысления тех или иных аспектов своего отношения к России затронул жителей республики всех поколений, что сказалось на конфигурации межпоколенной консолидации в первые месяцы после начала СВО (рис. 3).

В 2022 г. уже не фиксируется «ступенчатая» межпоколенная консолидация по компонентам удовлетворенность и рельефность. Сходными в самооценках по этим аспектам идентичности оказались только респонденты среднего и старшего поколений. Молодежь стала значимо отличаться от них низкими показателями. Если учесть, что в рассматриваемом году в целом происходил рост этих оценок, то у молодежи этот рост был менее интенсивным, чем у представителей старших возрастов. Это может свидетельствовать, что поляризация мнений об эмоциональной удовлетворенности своей принадлежности к России и значимости российской идентичности в личностном самосознании (и самоопределении) в контексте начала СВО была в молодежной среде более выраженной, что и сказалось на средних низких оценках при общей тенденции роста по сравнению с 2021 г.

Такая же ситуация в 2022 г. наблюдалась и по самооценкам респондентами своего сходства с россиянами вообще. Если годом ранее мы фиксировали практически полное сходство таких самооценок у представителей всех поколений, то в 2022 г. сходными, при тенденции к росту, оказались только самооценки среднего и старшего поколений жителей республики. Для молодежи республики в этом году была характерна тенденция к снижению самооценок

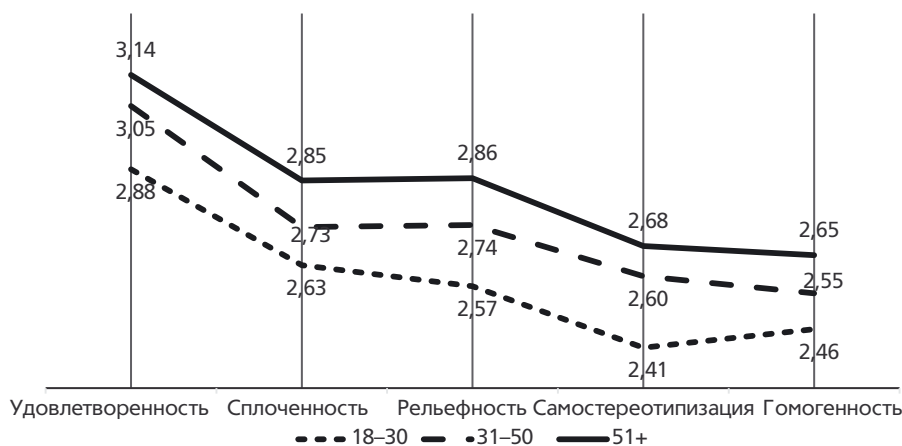

Рис. 3. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2022 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

сходства с типичным россиянином и статистически значимое отличие от самооценок более старших возрастных групп.

И наоборот, если в 2021 г. по параметру сплоченности мы наблюдали сходство относительно низких самооценок своей солидарности с российским сообществом у молодежи и средней возрастной группы, то в 2022 г. при общей тенденции снижения самооценок по этому параметру в самой старшей возрастной группе это снижение было более существенным, чем у более молодых респондентов. Итогом стала ступенчатая межпоколенная консолидация самооценок сплоченности на пониженном (против 2021 г.) уровне: самооценки солидарности с россиянами в 2022 г. у самого старшего поколения приблизились к самооценкам респондентов среднего возраста, а к ним примыкают самооценки молодежи, значимо отличающиеся от самооценок представителей возрастной группы 51 год и старше.

Теоретически тенденцию к снижению оценок по тем или иным компонентам профиля российской идентичности в 2022 г. можно рассматривать как свидетельство большей или меньшей поляризации мнений и диспозиций по конкретному аспекту идентификации с российским сообществом, т.е. как отражение той или иной меры драматичности происходивших в 2022 г. процессов переосмысления жителями республики своего отношения к стране в ситуации начала СВО.

В этом плане, на наш взгляд, можно выделить тот компонент профиля российской идентичности, где поляризация мнений по отношению к России носила наиболее драматичный характер. Это – переосмысление в начале СВО личных диспозиций, касающихся солидарности с российским сообществом, т.е. самооценка по параметру «сплоченность». Поскольку для указанного года была характерна общая для всех возрастных групп тенденция снижения самооценок по этому параметру, можно предположить, что наиболее драматичными для всех поколений жителей республики (не только для молодежи) были дискуссии по сюжетам сопричастности, преданности, как минимум – лояльности (commitment) [Ellemers et al., 2002: 164] сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути.

Как отмечено выше, 2023 г. можно охарактеризовать как период активной консолидации республиканского сообщества по всем параметрам российской гражданской идентичности, и это в полной мере относится к процессу межпоколенной консолидации (рис. 4).

Сразу же можно отметить содержательный аспект российской идентичности, в рамках которого консолидация жителей республики разных поколений наиболее отчетлива. Это – сходная для респондентов разных возрастных групп высокая самооценка места и роли факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания (возможно, и личностного

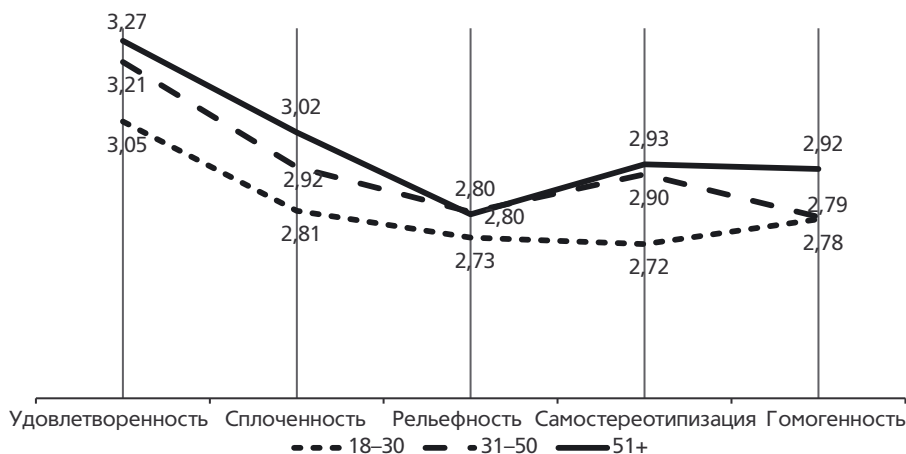

Рис. 4. Профиль российской идентичности для разных возрастных групп в 2023 г. (в средних баллах согласия с суждениями по каждому компоненту)

самоопределения), т.е. оценка по параметру «рельефность» идентичности. Кроме того, в рассматриваемом году в республиканском общественном мнении был достигнут определенный межпоколенный консенсус относительно самооценки респондентами своей психологической связи с россиянами в целом, т.е. меры сплоченности. Однако этот консенсус носит «ступенчатый характер»: самая высокая мера сплоченности продемонстрирована представителями самой старшей возрастной группы, к ней примыкают несколько сниженные показатели респондентов среднего возраста, а к последним – низкие самооценки сплоченности в молодежной среде, значительно отличающиеся от самооценок самого старшего поколения. Наконец, можно выделить особые, значительно отличающиеся низким уровнем от самооценок других возрастных групп, оценки молодежью удовлетворенности принадлежностью к россиянам и сходства с типичным россиянином, т.е. оценки своей готовности ассоциировать себя с россиянами в целом. В какой мере эти особенности профиля российской идентичности молодежи связаны с возрастными особенностями процесса идентификации (некоторым сдвигом по времени вправо периодов прохождения пятой и шестой стадий развития личности в терминах эпигенетической теории Э. Эриксона [Эриксон, 1996]) или они связаны с особенностями общероссийского контекста социализации этого поколения россиян в начале 2000-х гг. – этот вопрос остается открытым для дальнейших исследований.

Основные выводы. Исследование динамики изменения профиля российской гражданской идентичности на материалах опросов населения Республики Саха (Якутия) 2021–2023 гг. позволило выявить следующие тенденции, предположительно характерные для изменения профиля идентичности россиян в целом в контексте СВО.

1. Первые месяцы начала СВО (2022) можно обозначить как период общественно-политической турбулентности, переосмысления значимости как самого факта принадлежности к российскому сообществу, так и восприятия этого сообщества как некоей целостности. В этот период фиксировалось ослабление (по сравнению с относительно бескризисным 2021 г.) показателей солидарности с сообществом россиян, отражающее поляризацию самооценок приверженности ценностям российского сообщества, сопричастности его историческим судьбам. В то же время наблюдался существенный рост значимости идентификации с россиянами в структуре личностного самосознания, что, напротив, предполагает рост всех вышеперечисленных чувств по отношению к сообществу.

2. В указанный период наиболее драматичными для всех поколений жителей республики были дискуссии и конфликты, связанные с сюжетами, касающимися сопричастности,

преданности, как минимум – лояльности сообществу россиян, ценностям и нормам этого сообщества, его историческому пути. На наш взгляд, латентной почвой такой поляризации общественного мнения в начале СВО являются специфичные для российского историко-культурного контекста полярные представления о патриотизме. Так, по данным ФОМ 2000 г., 50% россиян считали, что «патриот может любить только родину, а государство, власть любить не обязан», тогда как 44% придерживались противоположного мнения¹. К 2021 г. ситуация в этом плане существенно не изменилась [Кузнецов, 2023].

3. В 2023 г. доминантой стал процесс консолидации республиканского сообщества по всем параметрам российской идентичности. Об этом свидетельствует рост показателей всех измерений российской идентичности до значений выше среднего. Наиболее активно шел прирост групп с высокими самооценками параметров идентичности, которые отражают индивидуальные усилия по осмыслению и формированию личного отношения к сообществу россиян как целостности. А по параметрам, скорее отражающим сформированность генерализованного образа россиянина и образ российского сообщества как единого целого в республиканской и общероссийской информационной среде (включая образы, транслируемые через социальные сети, СМИ, тексты художественной литературы, театральные постановки, кинематограф и т.п.), прирост групп с высоким уровнем показателей был более скромным. Можно предположить, что особенностью процесса общественной консолидации 2023 г. является активный пересмотр жителями республики своего личного отношения к стране в целом и российскому сообществу на фоне разнонаправленных трактовок этих сюжетов в информационной среде. Это, в частности, накладывает определенные ограничения на проведение аналогий с процессами консолидации, характерными, например, для Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда информационная среда была несравненно более однородной.

4. Вывод об активизации процессов общественной консолидации в 2023 г. подтверждается и анализом процесса межпоколенной консолидации. Наиболее отчетливо консолидация жителей республики разных поколений прослеживается в высоких (по сравнению с предыдущими годами) самооценках места и роли факта принадлежности к россиянам в системе личностного самосознания (и, возможно, личностного самоопределения), т.е. по параметру «рельефность» идентичности. Кроме того, в рассматриваемом году в республиканском общественном мнении был достигнут определенный межпоколенный консенсус относительно самооценки респондентами степени своей психологической связи с россиянами в целом, т.е. меры сплоченности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агадуллина Е.Р., Ловаков А.В. Модель измерения ингрупповой идентификации: проверка на российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 4. С. 143–157. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157.
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996.
- Кузнецов И.М. Патриотизм региональной молодежи в социологическом измерении (на примере Пензенской области) // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 25–40. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.2.
- Никовская Л.И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // Местное право. 2022. № 3. С. 45–50.
- Рыжова С.В. Этносоциологическая школа Л.М. Дробизевой: формирование подходов к изучению российской идентичности // Социологический журнал. 2023. Т. 29. № 1. С. 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2.
- Хухлаев О.Е., Александрова Е.А. и др. Идентификация с религиозной группой и этнонациональные установки буддистской, мусульманской и православной молодежи // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 14. № 3. С. 71–82. DOI:10.17759/chp.2019150308.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

¹ База данных ФОМ. Тестирование понятия: «патриотизм». URL: <https://bd.fom.ru/report/cat/socium/dd001537> (дата обращения: 28.03.2024).

- Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. An organizing framework for collective identity: Articulation and significance of multidimensionality // *Psychological Bulletin*. 2004. Vol. 130. No. 1. P. 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.
- Crocker J., Luhtanen R. Collective Self-esteem and Ingroup Bias // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1990. Vol. 58. No. 1. P. 60–67. DOI: 10.1037/0022-3514.58.1.60.
- David O., Bar-Tal D.A. Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example // *Personality and Social Psychology Review*. 2009. Vol. 13. No. 3. P. 354–379. DOI:10.1177/1088868309344412.
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. Self-categorization, commitment to the group and group self-esteem as related but distinct aspects of social identity // *European Journal of Social Psychology*. 1999. Vol. 29. P. 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
- Ellemers N., Spears R., Doosje B. Self and social identity // *Annual review of psychology*. 2002. Vol. 53. P. 161–186. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135228.
- Hollinger D.A. From Identity to Solidarity // *Daedalus*. 2006. No. 135(4). P. 23–31. DOI: 10.1162/daed.2006.135.4.23.
- Leach C.W., van Zomeren M. et al. Group-level self-definition and self-investment: A hierarchical (multi-component) model of ingroup identification // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2008. Vol. 95. No. 1. P. 144–165. DOI:10.1037/0022-3514.95.1.144.
- Lickel B., Hamilton D.L. et al. Varieties of groups and the perception of group entitativity // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2000. Vol. 78. No. 2. P. 223–246. DOI: 10.1037/0022-3514.78.2.223.
- Tajfel H. *Human groups and social categories: Studies in social psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press. 1981.

Статья поступила: 01.04.24. Финальная версия: 18.05.24. Принята к публикации: 16.07.24.

DYNAMICS OF CHANGING PROFILE OF RUSSIAN IDENTITY IN 2021–2023 (THE CASE OF THE REPUBLIC OF SAKHA (YAKUTIA))

KUZNETSOV I.M.

Institute of Sociology of FSTAS RAS, Russia

Igor M. KUZNETSOV, Cand. Sci. (Sociol.), Leading Research Fellow of the Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia (ingvar31@yandex.ru)

Abstract. The article presents the first results of applying a multidimensional approach to studying dynamic changes in various aspects of Russian civil identity in 2021–23. It uses a technique based on a five-component model for measuring group identification developed by K. Leach et al. The empirical base for the study is data from a survey conducted among residents of the Sakha Republic (Yakutia). Based on the analysis of the results, the author concludes that 2022 was a period of social and political turbulence, during which there was a rethinking of both the sense of belonging to Russian society and the perception of it as an integral entity. The most significant events for all generations of Russians were discussions and conflicts on issues related to belonging, commitment to, or at least loyalty towards, the Russian community, its values, norms, and historical path. In 2023, the process of the Russian community consolidation became dominant, as evidenced by the growing indicators of all dimensions of Russian identity above the average. The most active growth was seen in groups with high self-esteem in those identity parameters that reflect individual efforts to rethink and inform a personal attitude towards the Russian community. While, according to parameters that rather reflect the formation of a generalized image of the Russian community as a whole in the information environment (including images transmit through social networks, mass media, texts of fiction, theatrical productions, cinematography, TV etc.), the increase in groups with high values was less significant.

Keywords: the profile of the all-Russian identity, the parameters of identity, solidarity, satisfaction with belonging to Russians, consolidation during the period of SMO.

REFERENCES

- Agadullina E.R., Lovakov A.V. (2013) Measurement Model of In-group Identification: Validation in Russian Samples. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. Vol. 10(4): 139–153. DOI: 10.17323/1813-8918-2013-4-143-157. (In Russ.)
- Ashmore R.D., Deaux K., McLaughlin-Volpe T. (2004) An Organizing Framework for Collective Identity: Articulation and Significance of Multidimensionality. *Psychological Bulletin*. Vol. 130. No. 1: 80–114. DOI: 10.1037/0033-2909.130.1.80.

- Crocker J., Luhtanen R. (1990). Collective Self-esteem and Ingroup Bias. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 58. No. 1: 60–67. DOI:10.1037/0022-3514.58.1.60.
- David O., Bar-Tal D. A (2009) Sociopsychological Conception of Collective Identity: The Case of National Identity as an Example. *Personality and Social Psychology Review*. Vol. 13. No. 3: 354–379. DOI: 10.1177/1088868309344412.
- Durkheim E. (1996) *The Division of Labor in Society*. Moscow: Kanon. (In Russ.)
- Ellemers N., Kortekaas P., Ouwerkerk J.W. (1999) Self-categorization, Commitment to the Group and Group Self-esteem as Related but Distinct Aspects of Social Identity. *European Journal of Social Psychology*. Vol. 29: 371–389. DOI: 10.1002/(SICI)1099-0992(199903/05)29:2/33.3.CO;2-L.
- Ellemers N., Spears R., Doosje B. (2002) Self and social identity. *Annual review of psychology*. Vol. 53: 161–186. DOI: 10.1146/annurev.psych.53.100901.135228.
- Erikson E.H. (1996) *Identity: Youth and crisis*. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Khukhlaev O. Ye., Aleksandrova E.A. et al. (2019) Religious Group Identification and Ethno-National Attitudes in Buddhist, Muslim and Orthodox Youth. *Kulturno-istoricheskaya psikhologiya* [Cultural Historical Psychology]. Vol. 15(3): 71–82. DOI: 10.17759/chp.2019150308. (In Russ.).
- Kuznetsov I.M. (2023) Patriotism of the regional youth in the sociological dimension (case of the Penza region). *Sotsiologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. Vol. 11. No. 2: 25–40. DOI 10.19181/snsp.2023.11.2.2. (In Russ.)
- Leach C.W., van Zomeren M. et al. (2008) Group-level Self-definition and Self-investment: A Hierarchical (Multi-component) Model of Ingroup Identification. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 95. No. 1: 144–165. DOI: 10.1037/0022-3514.95.1.144.
- Lickel B., Hamilton D.L. et al. (2000) Varieties of Groups and the Perception of Group Entitativity. *Journal of Personality and Social Psychology*. Vol. 78. No. 2: 223–246. DOI: 10.1037//0022-3514.78.2.223.
- Ryzhova S.V. (2023) The Ethno-sociological School of L. Drobizheva: Developing Approaches towards the Study of all-Russian Identity. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Russian Sociological Journal]. Vol. 29. No. 1: 36–54. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.2. (In Russ.)
- Tajfel H. (1981) *Human Groups and Social Categories: Studies in Social Psychology*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Received: 01.04.24. Final version: 18.05.24. Accepted: 16.07.24.